

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ! Слушая наших певцов (очень люблю музыку), я нередко ловлю себя на мысли, что артист все свое внимание сосредоточивает только на голосе. И тогда получается, что смысл произведения, его глубина, содержательность слова и настоящая правда чувства куда-то уходят. Поет артист о страданиях, а я ему не верю, просто голос слушаю. Наверное, все-таки недостаточно только обладать хорошим голосом. Может быть, я права?

Н. КАРПОВА, врач.

ХОРОШИИ, даже выдающийся голос составляет только десять процентов того, что необходимо настоящему певцу.

Не спешите возражать! Это вы сможете сделать после, прочитав статью.

Много раз я спрашивал у современных Шаляпина: «Вы профессионал-вокалист. Вы, как никто, можете ответить — каков был голос у Шаляпина?». И неизменно все без исключения отвечали: «Это было замечательно, это было гениально...», а о голосе словно забывали сказать.

Лишь один современник Шаляпина, певший с ним спектакли — С. Левик — «отважился» анализировать

и воплотить время в своем искусстве.

К сожалению, мы совсем не часто встречаем такой синтез.

В большинстве своем певцы еще слабо владеют своим инструментом — голосом. А жаловаться, что нет хороших голосов, мы не можем. Природа щедро дарит нам даже выдающиеся голоса. Видимо, воспитание голосов, как и воспитание личности певцов-артистов, в музыкальных училищах и консерваториях поставлено еще не вполне удовлетворительно.

Как бы ни был талантлив ученик-вокалист, как бы ни был хорош его голос, если не умеет он владеть им, никогда не сможет донести до слушателя музыкальное произведение во всей его красоте и силе.

И естественно, начальная школа вокалистов — музыкальные училища — должны пользоваться большим вниманием руководителей музыкального образования; сюда надо направить лучших педагогов, доцентов и профессоров, чтобы фундамент был заложен добротный.

Процесс пения — процесс рефлексивный, певцу некогда думать, как он поет, он должен думать о том, что он поет. И потому не только в вокале нужен этот «фундамент», но и в общей культуре ученика. Для этого много надо учиться.

Понятно, насколько важно для вокалиста донести до слушателей искусно окрашенное звуком, наполненное содержанием слово. Не говоря уже о дикции, так часто неясной у многих певцов, как страдает выразительность фразы. Культура речи вокалистов все еще оставляет желать лучшего, но и она — не последняя преграда на пути артиста. Ведь кажется, чего там, — пой себе, как соловей, лишь бы любовь звучала в звуках. Но тут-то, по моему, и самое время напомнить о такой высокой категории, как стиль. Его нужно понять, ощутить. Тут уж без глубокого изучения истории, культуры не обойтись.

Из всего сказанного ясно, каким высокозвонким должен быть вокалист. «Музыка есть откровенно выше всякой философии», — говорил Бетховен.

УЖ СЛИШКОМ тяжелы, скажут мне, требования к певцу. Когда же петь, если только учить, и читать, и знать?

Конечно, все очень нелегко. Но «кто вместит — да вместит...».

Вокалисты, равнодушно относящиеся к образованию, в своих рассуждениях не оригинальны. Апостолы невежества еще в прошлом столетии провозглашали, что Айвазовский, Анто-

они не простят нам обман, подмену настоящего суррогатом.

К сожалению, в консерваториях «образовательные» курсы изучаются недостаточно глубоко. Конечно, нельзя сказать, что выпускники выглядят примитивно, но ощущаются изрядные пробелы общекультурного порядка. А отсюда и всякого рода стилиевые путаницы, плохой вкус, частенько встречающийся, и так далее.

Но вот певец, в совершенстве владеющий голосом, словом, понимающий, что такое стиль. Каждое произведение — то ли партию в опере, то ли романс или песню — он тщательно изучает: и ноты, и паузы, и аккомпанемент, и темпы, и текст, и необходимые тембры голоса в каждой фразе, и значение своей партии в опере. Ему становится ясным, что хотел сказать автор.

Но знать — еще не значит уметь воспроизвести, донести, заставить слушателей жить вместе с твоим героем. Тут выступает уже то, что «находится за забором», как говорил Шаляпин, то есть способность самому жить полной жизнью героя. Тут появляется то великое, что вызывает редко испытываемое людьми наслаждение или муку, — здесь уже творчество.

Не так часто позволяем мы себе произнести это слово, оценивая работу певцов (если, конечно, не разбрасываться им, не произносить понапрасну и тем самым не обесценивать). Не часто потому, что творчество возможно только в соединении природного дара, настоящей работоспособности, энтузиазма и настоящих, глубоких знаний — своей профессии и вообще жизни.

Но энтузиазма у нас, вокалистов, достаточно. Очередь за глубокими познаниями.

ПЕВЕЦ И ВРЕМЯ

Борис Г М Ы Р Я,
народный артист СССР.

голос певца. Но другие не могли сказать о голосе ничего, ибо они его «не слышали», всецело поглощенные сценической жизнью этого гиганта, который властно «подминал» их сознание, отводя голосу роль только средства для передачи «жизни человеческого духа».

В наш век, когда музыка, да и вообще искусство все больше осознаются как «средство для беседы с людьми», увлечение исполнителей только голосом как самоцелью, копирование по пластинкам приемов пения итальянцев (без присущего настоящей итальянской школе высокого вкуса), «завывания», крик, перенапряжение (а следовательно, быстрый износ голоса), словом, так называемая «итальянщина» влечет за собой «метеорность карьеры». Давно прошли времена, когда меломаны являлись в театр только к песенке Герцога, чтобы послушать верхнее «до».

К сожалению, есть еще и сейчас люди, считающие, что голос для певца — это все. Заблуждение — не грех, но явление безусловно досадное.

Певцы, как и другие деятели искусства, чтобы владеть сердцами слушателей, должны быть на очень высоком уровне общего развития и, конечно, специального. Они должны синтезировать в себе качества певца, музыканта, актера, мыслителя. Только тогда сможет артист понять

Но существуют еще и сейчас педагоги, восклицающие: «Через два месяца ты у меня запоешь, как Карузо...»

СТРЕМЯСЬ петь слитно, многие «говорят нараспев», по слогу, «говорят, как поют»; Шаляпин всегда возражал таким вокалистам: «Я пою, как говорят».

Говор нараспев обычно стараются прокричать как можно громче, полагая, что слушатели в один голос скажут: «Вот силаща, куда там иерихонской трубе!».

Думая об этом, я всякий раз вспоминаю восклицание итальянца Бугамелли в адрес его ученика, впоследствии моего учителя, когда тот на занятиях решил показать силу голоса: «Голубев, зачем Вы так кричите? Вы пойте. Имейте в виду, паровоз очень громко кричит, но его никто не хочет слушать».

Артисту, которого идут слушать сотни и тысячи людей, не кричать нужно. Природная одаренность и высокое вокальное мастерство должны помочь ему откровенно и глубоко говорить со сцены о самом важном в жизни и в искусстве, о том, что хотят узнать, понять, открыть для себя слушатели, современники.

Крамской, Репин, Перов, Маковский получили в молодости очень мало образования или почти даже никакого, но это не помешало им стать очень значительными художниками; что любовь к искусству превращается в страсть, которая мешает регулярным научным занятиям. Возмущенный Стасов воскликнул тогда: «Это проповедь художественного невежества. Да ведь его у нас и так довольно!».

А Крамской — умнейший человек, написал: «Если вы хотите служить обществу, вы должны знать и понимать его во всех его интересах, во всех проявлениях, а для этого вы должны быть самым образованным человеком. Необходимо настоящее, глубокое, всестороннее образование для художника, без которого он и его произведения пусты или ничтожны».

Не являются ли эти изречения современными, злободневными для всех представителей искусства?

Иные вокалисты задают вопрос: нужно ли все это теперь? Ведь слушают и воспринимают нас и таними, как мы есть?

Да, воспринимают. Наши слушатели всем сердцем стремятся постичь высоты искусства, и они постигают его, если это настоящее искусство. Но